

Турнье Мишель

**Пятница,
или Тихоокеанский лимб**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т88

Т88 **Турнье Мишель**
Пятница, или Тихоокеанский лимб / Турнье Мишель – М.: Книга по Требованию, 2025. – 226 с.

ISBN 978-5-521-93235-1

«Пятница, или Тихоокеанский лимб» — это хлесткая пощёчина западной цивилизации.

Робинзон — не герой, а жалкий оккупант с мушкетом, пытающийся навязать порядок джунглям. Он спасает Пятницу, чтобы сделать из него раба. Но в итоге сам теряет лицо, теряет «величие» и остаётся на острове — один, без нации, без империи, без смысла. Это не книга — это диагноз упадка Запада, написанный задолго до краха их «ценностей».

Мишель Турнье не только входит в первую пятерку французских прозаиков, но и на протяжении последних тридцати лет является самым читаемым писателем из современных авторов живым классиком. В книге «Пятница, или Тихоокеанский лимб» Турнье обращается к сюжету, который обессмертил другого писателя Даниеля Дефо. Однако пропущенный сквозь призму новейшей философии, этот сюжет не просто переворачивается, но превращается в своего рода литературный конструктор, из которого внимательный читатель сможет выстроить свою версию знаменитого романа.

ISBN 978-5-521-93235-1

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025
© Турнье Мишель, 2025

Пролог

Фонарь, подвешенный к потолку каюты, с точностью свинцового отвеса отмерял своими размахами величину крена, который «Виргиния» принимала под ударами крепчавшего шторма. Наклонившись, капитан Питер ван Дейсел положил перед Робинзоном колоду тара.

– Откройте верхнюю карту, – сказал он и вновь откинулся в кресле, выпустив из своей фарфоровой трубки клуб дыма. – Это Демиург, – пояснил он. – Один из трех главных больших арканов. Он представлен фокусником перед столом, заваленным самыми разными предметами. Это означает, что вы – иррациональный устроитель. Демиург борется со вселенским хаосом, пытаясь одолеть его с помощью всевозможных подручных средств. Ему вроде бы сопутствует удача, но не будем забывать, что наш Демиург одновременно и фокусник: его деяния – иллюзия, его порядок – иллюзорен. К сожалению, он об этом и не подозревает. Скептицизм не входит в число его добродетелей.

Глухой удар сотряс корабль, и фонарь взметнулся к потолку под углом сорок пять градусов. Резкий шквал ветра развернул «Виргинию» бортом к волне, и та с пушечным грохотом обрушилась на палубу. Робинзон открыл следующую карту, захватанную сольными пальцами. На ней был изображен некто в короне и со скипетром, на колеснице, влекомой двумя скакунами.

– Марс! – объявил капитан. – Наш маленький Демиург одержал славную победу над природой. Он восторжествовал благодаря своей силе и теперь устанавливает вокруг себя порядок по своему образу и подобию. – И ван Дейсел, грузно, как Будда, осевший в своем кресле, обвел Робинзона хитрым взглядом. – Порядок... по вашему образу и подобию, – задумчиво повторил он. – Что способно пронзить душу человека, как не сознание безграничной власти, благодаря которой он может вершить все по своей воле, не ведая никаких препятствий! Робинзон-Король... Вам двадцать два года.

Вы покинули... гм... оставили в Йорке молодую жену с двумя детьми и, по примеру многих своих соотечественников, отправились искать счастье в Новый Свет. Позже ваша семья придет к вам. Н-да, придет... ежели будет на то Господня воля... Ваши коротко стриженные волосы, рыжая квадратная борода, прямой взгляд светлых глаз, пусть даже странно пристальный и неподвижный, ваша одежда, скромность которой граничит с вызовом, все это позволяет отнести вас к разряду тех счастливцев, которые никогда и ни в чем не сомневаются. Вы благочестивы, скуповаты и непорочны. То королевство, чьим повелителем, возможно, вы станете, будет походить на наши огромные голландские шкафы, куда женщины складывают стопками белоснежные простыни и скатерти, перемежая их душистыми саше с лавандой. Да вы не сердитесь. И не краснейте так. Мои слова могли бы звучать оскорблением, будь вы лет на двадцать постарше. Вам. и впрямь предстоит еще постичь многое. Не краснейте и выбирайте следующую карту... Ну вот, что я говорил! Вы мне подали Отшельника. Воинственный бог осознал свое одиночество. Он укрылся в глубине пещеры, дабы, вновь обрести там свою истинную природу. Но, углубляясь таким манером в недра Земли, свершая паломничество в глубь самого себя, он сделался другим существом. И если когда-нибудь он вырвется из этого заточения, то поймет, что его нетленная душа покрылась невидимыми глазу трещинами. А теперь, прошу вас, еще карту.

На сей раз Робинзон помедлил. Речи этого дородного голландского Силена, этого жизнелюбца и материалиста, таили в себе неведомую опасность. С тех пор как Робинзон поднялся в Лиме на борт «Виргинии», ему удавалось избегать встреч наедине с этим чертовым капитаном, который с первых же слов отвратил его от себя едким умом и нескрываяемо циничным эпикурейством. И только разбушевавшийся ураган сделал его пленником, загнав в каюту ван Дейсела – единственное место на корабле, где было хоть какое-то подобие комфорта в такую непогоду. Но голландец, судя по всему, решил воспользоваться представившейся возможностью

и вволю потешиться над наивным пассажиром. Когда Робинзон отказался выпить с ним, ван Дейсел извлек из ящика стола колоду тара и дал волю своей провидческой иронии под грохот бури, что оглушал Робинзона, словно бесовский шабаш, сопровождающий зловещую игру, куда его втянули помимо воли.

– Ага, вот кто вытаскивает Отшельника из его норы! Сама Венера появляется из волн морских и делает первые шаги по земле ваших угодий. Следующую карту, прошу вас... Благодарю. Шестой аркан: Стрелец. Венера, стало быть, обратилась в ангела с крыльями, посылающего свои стрелы к солнцу. Еще карту! Ах так, значит... Беда! Вы открыли двадцать первый аркан – загадку Хаоса. Зверь Земли вступил в борьбу с огненным чудовищем. И человек, коего вы здесь видите, попал меж двух противоборствующих сил; он безумен, о чем свидетельствует его погремушка. Да и не мудрено ему утратить рассудок. Передайте-ка мне еще карту. Так, превосходно. Этого и надо было ожидать: Сатурн – двенадцатый аркан – изображает висельника. Но знаете ли вы, что самое знаменательное в этом персонаже? Он повешен за ноги. Ох, не миновать вам висеть вниз головой, бедный вы мой Крузо! Давайте-ка мне поскорее следующую карту. Так, поглядим... Аркан пятнадцатый: Близнецы. Я уж и то спрашивал себя, какова будет новая ипостась нашей Венеры, обернувшейся Стрельцом. Теперь, значит, она – ваш брат-близнец. Близнецы изображены привязанными за шеи к ногам двуполого Ангела. Заметьте себе это хорошенько!

Робинзон рассеянно слушал капитана. И однако его не слишком беспокоили жалобный скрип корпуса судна под ударами волн и мечущаяся горсточка звезд, танцующих в темном проеме иллюминатора над головой голландца. «Виргиния» – столь невзрачная в хорошую погоду – была надежно построенным парусником, способным выдержать натиск любой бури. Низкий топорный рангут, кургузый пузатый корпус водоизмещением в двести пятьдесят тонн уподобляли ее скорее котлу или лохани, нежели гордой красавице морей, а уж тихо-ходность ее была предметом зубоскальства

во всех портах мира, где она бросала якорь. Зато матросы на «Виргинии» могли спать без задних ног в самый страшный шторм, разве что кораблю угрожали близкие рифы. К этому нужно добавить и благоразумие их капитана, который отнюдь не рвался сражаться с бурями и ураганами и рисковать, лишь бы не свернуть с намеченного курса.

Нынче днем, 29 сентября 1759 года, когда «Виргиния» должна была находиться на 32-м градусе южной широты, барометр вдруг резко упал, а на кончиках мачт и рей ярко вспыхнули огни Святого Эльма – предвестники необычайно жестокого шторма. Горизонт на юге, куда лениво поспешал галиот (Парусный трехмачтовый корабль), налился угрожающей чернотой – когда о палубу тяжело ударились первые капли дождя, Робинзон даже удивился, что они были бесцветны. Корабль уже окутывала зловещая ночная мгла, и тут поднялся и задул порывистый норд-вест; он непрерывно менял направление, швыряя судно взад-вперед, отклоняя его от курса на пять-шесть румбов. Кроткая «Виргиния» из последних сил храбро противостояла гигантским отвесным валам; она зарывалась носом в бешено кипящую воду, но все равно стремилась вперед с неотвратимым упорством, вызвавшим слезы умиления в обычно насмешливых глазах ван Дейсела. Однако два часа спустя оглушительный треск заставил голландца броситься на палубу, где взору его предстал лопнувший, точно воздушный шар, парус фок-мачты, от которого остались лишь изодранные, трепыхающиеся клочья. Капитан решил, что честь корабля и так уже спасена и упорствовать далее неразумно. Он приказал лечь в дрейф и освободил штурвального от вахты. С этой минуты буря словно решила поощрить «Виргинию» за уступчивость. Судно плавно заскользило по беснующимся волнам, а яростный ураган как будто позабыл о нем. Тщательно задраив люки, ван Дейсел отослал в кубрик всю команду, за исключением вахтенного и Тэна – судового пса. Затем он укрылся в своей каюте, где его ожидали многочисленные улады в виде голландской философии, можжевелевой водки, ячменных

галет, чая в тяжелом, как пушечное ядро, чайнике, табака и трубки. Десятью днями раньше зеленая полоска на горизонте по левому борту известила экипаж о том, что корабль пересек Тропик Козерога и теперь огибает острова Десвентурадос. Держа курс на юг, он должен был через сутки войти в воды островов Хуан-Фернандес, но сейчас буря гнала его к востоку, в сторону чилийского побережья, от которого судно пока отделяли сто семьдесят морских миль водного пространства, где, если верить картам, не было ни островов, ни рифов. А значит, и беспокоиться было не о чем.

Голос капитана, на миг заглушенный воем бури, зазвучал вновь:

— А вот теперь мы видим Близнецов на большом девятнадцатом аркане — аркане Льва. Двое детей стоят, держась за руки, перед стеной, символизирующей Солнечный город. Бог-Солнце занимает всю верхнюю часть карты. Обитатели Солнечного города, простирающегося между временем и вечностью, между жизнью и смертью, отличаются младенческой невинностью, ибо они наделены особой, солнечной сексуальностью, которая, помимо того что андрогенична, вдобавок еще и кольцеобразна. Змея, кусающая собственный хвост, — вот символ этой эротики, замкнутой на самое себя. Это апогей человеческого совершенства, бесконечно трудно достижимого и еще более трудно хранимого. Похоже на то, что вы призваны возвыситься до него. По крайней мере мои египетские гадальные карты ясно говорят об этом. Примите уверения в моем почтении, молодой человек! — И капитан, привстав с мягкого кресла, полуиронически-полусерьезно склонился перед Робинзоном. — А теперь дайте, пожалуйста, еще карту... Благодарю. Ага, Козерог! Это ведь ворота исхода душ умерших, иначе говоря, Смерть. И скелет с косой на равнине, усеянной руками, ногами и головами, достаточно ясно выражает зловещий смысл, таящийся в этой карте. Вам, низвергнутому с сияющих высот Солнечного города, грозит смертельная опасность. Мне не терпится — хотя и боязно — увидеть, какая карта выпадет вам дальше. Если знак будет слабый, значит, истории вашей конец...

Робинзон насторожился. Ему почудилось, будто к дьявольской симфонии разбушевавшегося моря и ветра добавились человеческий голос и лай собаки.

Трудно было утверждать наверняка: может, его просто слишком занимала мысль о вахтенном, привязанном там, наверху, под ненадежным прикрытием козырька, среди адского разгула стихий. Матрос был так прочно прикручен канатом к кабестану, что не мог освободиться сам, даже если бы захотел поднять команду по тревоге. Но услышан ли его крик другими? И не он ли только что раздался опять?»

– Юпитер! – воскликнул капитан. – Вы спасены, Робинзон, но, черт побери, издалека же вы вернулись! Вот она, петля судьбы! Вы уже шли ко дну, когда Господь Бог пришел к вам на помощь, да как своевременно! Он, точно самородок, вырванный из мрака шахты, воплотился в золотого младенца и теперь возвращает вам ключи от Солнечного города.

Петля?.. Не это ли слово только что тоскливым воплем прорезало завывания бури? Петля?.. Да нет же! Земля!

Вахтенный наверняка крикнул: «Земля!» И в самом деле, какую еще важную новость мог он возвестить на борту этого корабля без руля и ветрил, как не появление неведомого берега с песчаными отмелями или острыми рифами?

– Мои слова, вероятно, кажутся вам пустой болтовней, – заметил ван Дейсел. – Но именно в этом и кроется высшая мудрость тара: карты никогда не толкуют нам грядущее ясно и определенно. Вообразите себе, какое смятение вызвало бы точное предсказание будущего. Самое большее, что нам дано, – смутно его провидеть. Мое толкование в некотором роде зашифровано, но ключом к шифру явится сама ваша последующая жизнь. Каждое событие в ней откроет вам истинность того или иного из моих предсказаний. И сей вид пророчества не столь уж обманчив, как может показаться на первый взгляд.

Капитан умолк, посасывая изогнутый мундштук своей длинной

эльзасской трубки. Но она успела погаснуть. Он вынул из кармана перочинный ножик и, выдвинув шило, принялся вычищать из фарфоровой головки золу и ссыпать ее в лежащую на столе раковину. Робинзон больше не слышал тревожных криков в диком оркестре шторма. Вытянув за кожаный язычок деревянную затычку, капитан откупорил бочоночек с табаком. С бесконечными предосторожностями он просунул свою хрупкую трубку внутрь и оставил ее в табаке.

– Так я уберегаю ее от ударов, – пояснил он, – вдобавок она пропитывается медовым запахом моего «амстердама» (сорт голландского табака).

– Внезапно он замер и пронзил Робинзона строгим взглядом. – Кру-зо! – сказал он. – Послушайте меня: берегитесь непорочности! Непорочность – язва души!

И в этот миг фонарь, резко «взлетев вверх на своей цепи, вдребезги разбился о потолок каюты, а капитана бросило вперед, грудью на стол. В кромешной тьме, под громкий треск дерева, Робинзон ощупью двинулся к двери. Он так и не нашел ее, а по сильному сквозняку понял, что двери больше нет и он уже в коридоре. Все его тело заныло от ужасного ощущения неподвижности, сменившей резкую качку. На палубе, в зловещем свете полной луны, он смутно различил матросов, спускавших спасательную шлюпку. Он было рванулся к ним, но тут палуба провалилась у него под ногами. Казалось, тысячи таранов разом ударили в левый борт галиота. Черная стена воды, обрушившись на корабль, смыла с него все от носа до кормы – и людей, и снасти.

Глава первая

Волна хлынула на берег, пробежала по влажному песку и лизнула ноги Робинзона, лежавшего лицом вниз. Еще не совсем придя в себя, он скорчился, встал на четвереньки и отполз подальше от воды. Потом перевернулся на спину. Черные и белые чайки с тоскливыми воплями метались в лазурном небе, где лишь одно серовато-белое волоконец, уплывающее к востоку, напоминало о вчерашней буре. Робинзон с трудом сел и тотчас же ощутил жгучую боль в левом плече. Берег был усеян растерзанными рыбами, крабьими панцирями и коричневатými водорослями, которые встречаются лишь на определенной глубине. К северу и востоку до самого горизонта простиралась морская гладь, на западе же обзору мешал огромный скалистый утес, выдающийся в море и продолженный в воде грядою рифов. И именно там, среди них, примерно в двух кабельтовых от берега, виднелся нелепый и трагический силуэт «Виргинии», чьи изувеченные мачты и оборванные, хлопающие по ветру ванты безмолвно свидетельствовали о постигшем ее бедствии.

Когда ураган еще только набирал силу, галиот капитана ван Дейсела, вероятно, находился не к северу, как он полагал, но к северо-востоку от архипелага Хуан-Фернандес. Разразившаяся буря отогнала и чуть не прибила корабль к острову Мас-а-Тьерра, не дав ему свободно дрейфовать на стосемидесятимильном морском пространстве, отделяющем этот остров от чилийского побережья. Таково, по крайней мере, было наименее пессимистическое предположение Робинзона – ведь, судя по описанию Вильяма Дампьера¹, население Мас-а-Тьерра, весьма, впрочем, малочисленное и рассеянное по тропическим лесам и лугам площадью девяносто пять квадратных километров, составляли выходцы из Испании. Однако можно было допустить и другую вероятность: капитан не отклонялся от заданного курса, а «Виргиния» просто разбилась о рифы неизвестного островка, расположенного где-то между архипела-

¹ Английский мореплаватель, исследователь, пират, автор «Кругосветного путешествия» (1691) и «Трактата о ветрах и течениях...» (1699)